

УДК 340.12

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-39-53

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: НА ПУТИ К «ЦИФРОВОМУ КЕМБРИЙСКОМУ ВЗРЫВУ»

Шидловский А. В.¹, Задорин М. Ю.²

¹Эксперт Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, международный наблюдатель на выборах от России

г. Москва, Российская Федерация

*²Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
163000, г. Архангельск, пр. Ломоносова, д. 58, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Логическая постановка проблемы правопонимания искусственного разума и возникающих правоотношений между биологическим разумом и небιологическим на ранней стадии развития искусственного интеллекта, способная претендовать на роль конвенциональной юридической теории и дать удовлетворительное объяснение тем или иным общественным и юридическим отношениям, исходя из их природы.

Процедура и методы. При работе над статьёй авторами был исследован большой объём научной и юридической литературы, насчитывающий около 70 источников, некоторые из которых малоизвестны российскому научному сообществу либо только вводятся в научный оборот. Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специальных юридических методов, в частности, системный метод, анализ, синтез, обобщение и прогнозирование. Был использован также формально-юридический метод для цели анализа нормативно-правовых актов, компаративистский подход – при анализе зарубежных и российских источников. Историко-правовой метод позволил рассмотреть зарождение, становление и развитие естественного и позитивного права в хронологической последовательности с учётом современных технологических особенностей.

Результаты. В ходе исследования: 1) сделана осторожная попытка посредством теоретических построений описать генезис философского (естественного) права в виде закономерного процесса от онтологического начала в аксиологическое; 2) последовательно собраны и проанализированы различные существующие научно-философские и религиозно-философские подходы к естественному праву, категориям добра и зла как онтологическим и аксиологическим началам права; 3) предложены ответы на основные вопросы философии права; 4) сформулирована абстрактная юридическая конструкция в виде пирамиды способностей, позволяющей дать удовлетворительный ответ на вопрос о закономерностях естественно-правовых процессов и описать их возможные траектории в будущем.

Теоретическая и/или практическая значимость. Научная новизна работы заключается в предвосхищении регулирования правоотношений, связанных с появлением искусственного интеллекта и персонализированных ценностных категорий у последнего, отличных от человеческих. Результаты работы могут быть использованы в рамках преподавания таких дисциплин, как «Философия» и «Философия права».

Ключевые слова: философия права, естественное право, теория права, онтология права, аксиология права, этика права, искусственный интеллект

NATURAL LAW AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE: TOWARDS A «DIGITAL CAMBRIAN EXPLOSION»

A. Szhydowski¹, M. Zadorin²

¹ *International Electoral Expert of the OSCE*

Moscow, Russian Federation

² *Northern Arctic Federal University named after M. V. Lomonosov*

58 Lomonosov prosp., Arkhangelsk 163000, Russian Federation

Abstract

Aim. To logically formulate the problem of legal thinking of artificial intelligence and the emerging legal relationship between biological and non-biological intelligence at an early stage of artificial intelligence development, capable of claiming the role of conventional legal theory and providing a satisfactory explanation of one or another social and legal relationship based on their nature.

Methodology. When working on the article, the authors studied a large volume of scientific and legal literature, numbering about 70 sources, some of which were little known to the Russian scientific community or were first introduced into scientific circulation. The methodological basis of the study is a complex of general scientific and special legal methods, in particular, the systemic method, analysis, synthesis, generalization and forecasting. Besides, a formal legal method was used for the purpose of analyzing regulatory legal acts, as well as a comparative approach when analyzing foreign and Russian sources. The historical and legal method made it possible to consider the origin, formation and development of natural and positive law in chronological sequence, taking into account modern technological features.

Results. In the course of the research: 1) a careful attempt was made to describe the genesis of philosophical (natural) law through theoretical constructions in the form of a natural process from the ontological principle to the axiological one; 2) consistently collected and analyzed various existing scientific-philosophical and religious-philosophical approaches to natural law, categories of good and evil, as ontological and axiological principles of law; 3) offered answers to the main questions of the philosophy of law; 4) an abstract legal structure is formulated in the form of a pyramid of abilities, which makes it possible to give a satisfactory answer to the question about the laws of natural law processes and describe their possible trajectories in the future.

Research implications. The scientific novelty of the work lies in anticipating the regulation of legal relations associated with the emergence of artificial intelligence and personified value categories in the latter, which are different from human ones. The results of the work can be used in teaching such disciplines as «Philosophy» and «Philosophy of Law».

Keywords: philosophy of law, natural law, theory of law, ontology of law, axiology of law, ethics of law, artificial intelligence

Введение

Целью настоящей работы является введение с помощью логических гипотез предложений, способных в результате широкой общественной дискуссии и их доработки научной общественностью выступить в роли конвенциональной юридической теории, которая может не только дать понятное объяснение тем или иным общественным и правовым

отношениям, но и выявить природу этих отношений, их взаимное влияние и характер развития на современном этапе существования цивилизации, а также стать философским основанием для прогнозирования направлений эволюции права, для разработки методов выявления вектора такого развития, его философско-правового надзора и контроля.

Естественное право и эволюция правовой мысли

Как отмечал ещё 50 лет назад прозорливый мыслитель от юриспруденции, председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. А. Туманов, «правовая мысль фактически уже исчерпала все резервы дальнейшего углубления исследований отдельных и взятых изолированно сторон и аспектов правовой надстройки, на которых акцентировали своё внимание, в частности, юридический позитивизм и теория естественного права. Этот «гносеологический тупик» объективно препятствует возникновению принципиально новых направлений правовой мысли»¹. К. Поппер, в свою очередь, предлагал использовать для разрешения этого тупика «ныне совершенно немодный исторический метод»², а также любой иной метод поиска истины, поскольку «нет метода, специфичного только для философии»³. Отождествляя рациональную установку с критической, он приходит к выводу, что только «рациональная дискуссия» способна выступить формой, в рамках которой философскую проблему вообще можно обсуждать.

Анализ современных естественно-правовых концепций и естественно-правовой мысли в целом позволяет определить эпистемологическую (гносеологическую) проблему права как непрерывный последовательный набор проблем, представленный временным вектором, направленным от онтологических проблем естественного права к аксиологическим, который проходит через эйдетическое право феноменологической школы – от права инстинкта к праву цели [3, с. 407–411].

Прежде чем приступать к исследованию, необходимо выяснить, в русле логики К. Поппера, «что же думали и говорили по поводу рассматриваемой проблемы другие люди, почему они с ней столкнулись, как формулировали её, как пытались её

решить»⁴. Выдающийся польский теоретик философии права Е. Врублевски в своей фундаментальной работе так определяет проблему познания: «Отношения между теорией права и философией можно рассматривать как со стороны философии, так и со стороны теории права»⁵, – констатируя отсутствие единого подхода к теоретико-познавательным императивам правопонимания. Он отмечает, что существующие философско-правовые системы как связующее звено между философией и правом не определяют самого «естественно-правового метода» [12], что, в сущности, повторяет мысль К. Поппера.

Одной из проблем также является необходимость различения права и закона. Данную проблему попытались разрешить О. Хофф⁶ и В. Нерсесянц⁷ через категорию «справедливости». По Нерсесянцу, право есть естественная движущая сила (от лат. *factor* – «делающий, производящий» – причина, движущая сила какого-либо процесса либо феномена) человеческих отношений. Ф. Энгельс, в свою очередь, также раскрывал сущность естественного права через категорию «справедливости», но исключительно как отражение существующих экономических отношений с точки зрения консервативного или революционного класса⁸.

Вместе с тем, логика исследования требует предварительной экспликации если не всех, то основных проблем современной философии естественного права. Авторы выделяют следующие дискуссионные вопросы: совокупность онтологических проблем права, проблема челове-

¹ Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология: К критике учений о праве. М.: Наука, 1971. 381 с.

² Поппер К. Р. Логика научного исследования. М.: Республика, 2005. С. 36.

³ Там же. С. 35.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Wróblewski J. Filozoficzne problemy teorii prawa (Rozważania metodologiczne). Państwo i Prawo. 1974. P. 7.

⁶ Höffe O. Naturrecht, ohne naturalistischen Fehlschluss Ein rechtsphilosophisches Programm (Klagenfurter Beiträge zur Philosophie). Verlag des Verbandes der wissenschaftlichen Gesellschaften Österreichs, 1980. 52 p.; Höffe O. Political Justice: Foundations for a Critical Philosophy of Law and the State. John Wiley & Sons, 2015. 368 p.

⁷ Нерсесянц В. С. Право и закон. Из истории правовых учений. М.: Наука, 1983. 366 с.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 18. М.: Политиздат, 1961. С. 273.

ческого достоинства в связи с комплексом современных проблем (А. Ауэр), проблема человеческого достоинства как проблема формирования разумного порядка человеческих отношений (В. Майхофер), проблема юридической практики (Й. Месснер), практические проблемы правового регулирования (В. Туманов), из которых следуют проблемы зависимости должного от сущего, проблема структуры проблем права (Х. Домбуа), проблема познания права (Р. Штаммлер), проблема рационального познания естественного права (Г. Гегель, Г. Кельзен), проблема способа и метода познания (эпистемологические проблемы естественного права) (Ф. А. Хейдт, Х. Хубман), проблема методологии (О. Хефф), проблемы философии, вызывающие проблемы в правопонимании (М. Хайдеггер), проблема экзистенциальной философии права (М. Мюллер, К. Ясперс), из которой вытекает проблема различения акта естественного права и произвола (Х. Ортега-и-Гассет, Л. Легас-и-Лакамбра, Л. Рекасенс Сигес), проблема поиска (отыскания) права (В. Дильтей¹), проблема герменевтического круга (П. Рикер), проблема неодинакового восприятия текста людьми (В. Хассемер), биологические проблемы права (Э. Уилсон), проблема «научности» познания естественного права (Р. Марчич), проблема гилеморфизма (А. Кауфман), проблема абсолютных ценностей (аксиологическая проблема) (Х. Хубман), порождающая проблему общезначимости истинности (А. Кауфман, Р. Веймар), проблема ценностного релятивизма (И. Ильин², Б. Чичерин, Н. Бердяев³), проблема историчности (схоласты, неокантианцы, Х. Лломпарт⁴).

¹ Дильтей В. Введение в науки о духе (фрагменты) // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе. М., 1987. С. 108–135.

² Ильин А. И. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. С. 20–23.

³ Бердяев Н. А. Кошмар злого добра: О книге И. Ильина «О сопротивлении злу силою» // Путь. 1926. № 4. С. 103–116.

⁴ Llompart J. Die Geschichtlichkeit der Rechtsprinzipien: Zu Einem Neuen Rechtsverständnis. Juristische Abhandlungen. Frankfurt am Main. 1976. 228 p.

К упомянутым проблемам добавляются «будущие» проблемы: проблема естественно-го права небиологических разумных лиц (искусственного интеллекта – цифровых лиц) (Папа Римский Франциск), проблема избыточности права и проблема передачи (трансляции) права в условиях технологической сингулярности (К. Шеннон, А. Шидловский [4, с. 94–95], Г. Мур, К. Саган).

Центральное место в теологических концепциях понимания естественного права занимает Августин Блаженный⁵, сформулировавший понятие «вечного закона» как универсального проекта мироздания Бога. Отсюда выводится интерпретация теологических концепций – как понимание естественного права в русле объективного трансцендентного идеализма на основе религиозной веры. Много позже А. Ауэр, возвращаясь к той идее, что даже в эпоху технического прогресса человек – это «образ и подобие Божье» [6], предлагает своё рационалистически-дедуктивное обоснование естественного права, стремясь доказать, что его теоретическая конструкция может существовать вне догматов религии. В. Майхофер в своих работах⁶, ссылаясь на тезисы экзистенциалистов, тем не менее, отходит от их воззрений и склоняется скорее к неокантианству. Целью права как мерила социального порядка, по Й. Месснеру, являются задачи, встроенные в саму природу человека Богом, т. е. смыслом существования человека он называет инстинкты, реализуемые в виде биологических, социальных, культурных потребностей⁷. По мнению В. Туманова, естественное право представляет собой оценочную субъективистскую категорию в отношении закона или судебно-административного решения, ориентированную на выявление в действующем праве метафизического или трансцендентного начала, на концептуальное соединение права и

⁵ Блаженный А. Творения: в 4 т. СПб.: Алетея, 1998. 742 с.

⁶ Maihofer W. Die natur der Sache // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. 1958. Vol. 44. № 2. P. 145–174.

⁷ Messner J. Zur Naturrechtsanthropologie // Dimensionen des Rechts.: Gedächtnisschrift für René Marcic / hrsg. von M. Fischer u. a., Berlin. 1974. P. 207–224.

морали¹. Положения веры, как рационалистической, так и религиозной, по утверждению Х. Домбуа, являются источником естественного права, т. к. рационализм есть разновидность магии. Структура проблем права, по его мнению, совпадает со структурой теологии откровения, а значит, эти проблемы не могут быть разрешены философско-онтологическим путём². «Естественное право» Р. Штаммлера – это система норм, действительных в соответствующей исторической ситуации, априорное порождение разума, обладающее формальными признаками, социальное содержание которого наполняется трансцендентальным должным³. Всю историю развития естественного права, по Г. Гегелю, можно свести к понятию свободы, а точнее, «прогрессу свободы», которой ставит вопрос о диалектике свободы и необходимости, т. е. о неизбежном дуалистичном соотношении необходимости и свободы⁴. Г. Кельзен вообще определяет естественное право как санкционированную власть основной нормы и гипотетическое основание формально-логической действительности иерархической системы норм⁵. Гилеморфизм Ф. А. Хейдта устанавливает норму в виде правовой формы – как некую абстракцию справедливого упорядочения социальной материи, что, однако, не наделяет её сущностью права, даже если естественное право усматривается в законе⁶. Иррациональное синтезирование объективных правовых ценностей, представляющих, в свою очередь, основания естественного права, трактуется Х. Хубманом как иррациональный источник естественного права, ибо сами

по себе объективные правовые ценности ещё не представляют собой естественного права⁷. По мнению О. Хеффа, неокантианцы рассматривают «сущее» как «реализованное должное», а центральная идея зиждется на противопоставлении сущего и должного – через проблематику методологического подхода. Рассматривая идеи позитивизма, он отмечает, что последний понятийно разграничивает право и мораль и может одновременно осуждать норму морально, но при этом признавать её обязательность, что прямо противоречит аксиоме естественного права «не всякий закон право»⁸. Хотя сам М. Хайдеггер специально не занимался юридической проблематикой и не оставил специального учения о государстве и праве, как и его коллеги по экзистенциалистскому подходу к праву (К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, Г. Г. Гадамер, П. Рикер, М. Мюллер), идеи его положили начало философско-правовым концепциям экзистенциалистского профиля. В этих концепциях бытиём наделяется сознание, обладающее первичными, дорефлективными, доопытными структурами, являющимися источником справедливости либо экзистенциального должного. Естественным правом в его истинном понимании предстаёт проекция структур сознания на социальные отношения⁹. М. Мюллер, К. Коссио, Л. Легаси-Лакамбра, Л. Рекасенс Сичес и др., в свою очередь, наделяют указанные структуры сознания самоосознанием свободы как цели (набора идей), переживаемой как должное, как субъективная мораль, проекция которой в виде доступного нормативно-правового регулирования человеческих отношений и порождает естественное право. Концепция онтологической структуры права, разработанная А. Кауфманом, представляет собой одно

¹ Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология: К критике учений о праве. М.: Наука, 1971. 381 с.

² Dombois H. Das Problem des Naturrechts // *Naturrecht oder Rechtspositivismus* / Herausgegeben von W. Maihofer. 1962.

³ Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М.: Типография товарищества И. Д. Сытина, 1908. 144 с.

⁴ Гегель Г. Наука логики. Т. III. Litres, 2017. С. 292–293.

⁵ Кельзен Г. Чистое учение о праве. СПб.: Алет-Пресс, 2015. 542 с.

⁶ Heydte F. A. Seinsbegriff und Naturrecht bei Thomas von Aquin und F. Suárez. Geburtstag: Innsbruck, 1961.

⁷ Hubmann H. *Das persönlichkeitsrecht*. Böhlau, 1967. 245 p.

⁸ Höffe O. *Das Naturrecht angesichts der Herausforderung durch den Rechtspositivismus // Das Naturrechtsdenken heute und morgen. Gedächtnisschrift für René Marcić*. Berlin, 1983.

⁹ Luijpen W. A. *Phenomenology of Natural Law*. Pittsburgh: Duquesne University Press, 1967. 249 p.

из толкований принципа гилеморфизма. По А. Кауфману, «*сущность права – это имплицитное присутствие в позитивной норме естественно правовой справедливости, производной от бытия, а существование права в норме – это лишь возможность реализации естественно правовой сущности*»¹. Юридическая герменевтика является лишь критерием понимания всеобщей формы человеческого бытия, а понимание нормативного текста опосредует прогнозирование смысла, о чём указывает в своих работах В. Хассемер². Современное социобиологическое правопонимание, по Э. Вилсону [18], предполагает наличие имплицитной нормы в человеке в виде генетической предрасположенности. Внутренний императив обуславливает наличие ценностей и правового чувства. Р. Веймар отмечает, что естественное право предшествует закону как воле государства и конкретизируется во всей полноте, т. е. приобретает свою экзистенцию в решении судьи. Именно в процессе формулирования решения судья натывается на право второго уровня, и именно в этот момент приоритет позитивного права сменяется правом естественным³. Х. Лломпарт в своей естественно-правовой концепции логически разделяет естественно правовые и неестественно правовые точки зрения. Он выводит постулат естественного права – «*не всё позитивное право есть значимое право*», тем самым разрушая позитивистскую аксиому «*dura lex, sed lex*», даже если формально он корректен⁴.

Завершая общий обзор, можно предположить, что к анализу всех рассмотренных учений и проблем философии права мож-

но применить методы точных наук – математики и физики – и вписать в трёхмерную (либо иную многомерную) систему координат с ортогональными векторами (координатными осями). Каждая точка такого многомерного правового пространства будет описываться набором как минимум из трёх величин – координат, а сами координатные оси будут представлять собой минимум три однородные измерения – «неизменность–историчность» (бытийность), «абсолютность–релятивность» (изменчивость) и «онтологичность–аксиологичность» (имманентность). Моделирование правового пространства, в частности, с помощью компьютерной программы для статистической обработки данных *SPSS Statistics* позволяет бесконечно увеличивать количество степеней свободы, к примеру, увеличить до 5 количество концепций естественного права: «бытия трансцендентных идей», «объективного бытия идеи», «социального бытия априорного должного», «бытия сознания» и «иррационалистических начал природы человека»; однако такое увеличение не является особо значимым.

Построение же геометрической модели правового мира позволяет нам попытаться с благоразумной осмотрительностью выдвинуть удовлетворительную гипотезу о развитии философско-правовых систем и права в целом. В частности, полученное абстрактное геометрическое древо правового пространства позволяет предположить гипотетическую точку возникновения права как материальной действительности в прошлом – так называемый кубит права (*quantum bit* [15] или *q-bit of law*), его разряд или наименьший элемент для хранения информации о праве. Отыскание кубита права логично опосредует первый вопрос об избыточности права, т. е. насколько избыточна информация в допозитивных, надпозитивных и позитивных нормах. И насколько возможно право «сжать». Решение этой проблемы можно условно назвать «Теоремой избыточности».

Второй вопрос является отражением первого: насколько избыточным должно

¹ Kaufmann A. Die ontologische Struktur des Rechts. Gentner, 1965. 742 p.

² Hassemer W. Juristische Hermeneutik // ARSP: Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. 1986. Vol. 72. № 2. P. 195–212.

³ Weimar R. Grundlagen einer “Einheit” materialer Rechtsbegründung im Naturrechtsdenken und Positivismus // Naturrechtsdenken heute und morgen: Gedächtnisschrift für Rene Marcié / Hrsg. von D. Mayer-Maly; P. M. Simmons. Berlin, 1983. P. 473–495.

⁴ Llompart J. R. The Possibility of a Theory of Law beyond Legal Positivism and Jusnaturalism // Persona & Derecho. 1991.

быть содержание нормы, чтобы быть переданным без помех правоприменителю (быть защищённым от ошибок). Решение этой проблемы можно определить как «теорему помех». Очевидно, что оба вопроса касаются избыточности права – насколько, в среднем, неожиданна каждая следующая буква закона. Согласно ключевой идее К. Шеннона, приложенной к юриспруденции, удобной мерой измерения избыточности права является её энтропия. Она равна двоичному логарифму вероятности данного события, взятому с обратным знаком. Использование описанного инструментария позволяет вывести предположение о перспективах философско-правовых систем и права в целом, в т. ч. применительно к искусственному интеллекту, о чём далее пойдёт речь.

Что же касается кубита элементарного права, логика и результаты настоящего исследования закономерно приводят к Кембрийскому взрыву, зафиксировавшему новый, ранее не существовавший вид отношений, – «хищник – жертва», а ещё точнее, «хищник-каннибал – жертва». Возникновение и фиксация нового типа отношений стали не только источником бурного развития видов, существующих и поныне, но и элементарным основанием естественного права, положив начало праву как таковому – способности к самосохранению в условиях ограниченности ресурсов. Отношения «хищник – жертва» стали основой долгого периода развития прогресса, не закончившегося и по сей день. Отказ от этого типа отношений неминуемо ведёт к застою и регрессу. Иными словами, эти отношения дали животному миру скелет, все органы чувств, предопределив с неизбежностью появление высшей нервной деятельности в виде центров обработки и анализа полученной информации, что атрибутирует появление разума как необратимого и закономерного процесса, а также возникновение норм правового регулирования. По прошествии 540 млн лет даже такое изобретение человечества, как позитивное право, не привнесло ничего нового в установившийся в Кембрии

порядок правоотношений и продолжает отражать главную и, пожалуй, единственную ценность – обеспечивать неизменную объективность (естественность, т. е. справедливость) ордалий между хищниками-каннибалами и их жертвами на новом этапе общественного, интеллектуального и технологического развития.

Влияние философско-религиозной мысли на становление и развитие естественного права

Мировая философская мысль сформировала представление, что дуализм добра и зла, «двух начал» и т. п., есть категория настолько общая и абстрактная, что каждый человек может вполне самостоятельно «додуматься» до неё в самые разные эпохи и в самых несхожих культурах¹. Как показывает Е. Б. Смагина, идеи дуализма добра и зла восходят ещё к гетеродоксальным иудейским традициям, перекочёывая в христианство и зороастризм, но наибольшее распространение они получили в манихействе и продолжают сохранять свою актуальность в виде идей гностицизма, введённого в научный оборот Генри Мором². Эти же учения предполагают деление мира на две чуждые категории: категорию материального мира – зла и категорию нематериального мира – добра. Дуализм указанных категорий присутствует и в зороастризмической эпохе (светлый бог Ормуз и его брат – злое божество Ариман)³, и у стоиков («в мире существует только два начала "Бог и материя"») ⁴ и т. д.

Между тем если категория добра – это категория света и разума и неотделима от последнего⁵, то категория зла – явление

¹ Кефалайя («Главы»). Коптский манихейский трактат. М.: Восточная литература РАН, 1998. С. 45.

² More H. *Philosophical Writings of Henry More*. New York: Oxford university press, 1925.

³ Nigosian S. A. *The Zoroastrian Faith: Tradition and Modern Research*. McGill-Queen' University Press – MQUP, 1993. P. 11.

⁴ Сенека Л. А. О благодеяниях. М.: Эксмо-Пресс, 2020. 160 с.

⁵ Gardner I., ed. *The Kephalaia of the Teacher: The Edited Coptic Manichaean Texts in Translation with Commentary*. Leiden: Brill, 1995. 307 p.

материальное. При этом они по своему императивно-ценностному содержанию представляют «аверс» и «реверс» одной медали, взаимно обуславливая существование друг друга. Человек познаёт зло через добро и строит собственную ценностную категорию добра, только познав, что такое зло. Абсолютизация указанных категорий не допустима, на что указывает Н. Бердяев: «всякая здоровая этика должна признать не только свободу добра, но и некоторую свободу зла. Отрицание свободы зла делает добро принудительным»¹, тем самым превращая его во зло. Над рассматриваемой проблемой много работал видный американский учёный-теолог Дж. Рассел, исторически исследовавший ценностные категории «добра» и «зла» в своих произведениях «Князь тьмы. Добро и зло в истории человечества»², «Дьявол в современном мире»³, «Сатана: Восприятие зла в ранней христианской традиции»⁴, «Люцифер: Дьявол в Средние века»⁵ и др.⁶, который хотя и предлагает нам неомистическую трактовку зависимости должного от духовной субстанции, связанную с креационистским учением, фактически предоставляет науке обширный материал для применения ею исторического метода исследования, наглядно доказывающего эволюцию и персонификацию ценностных категорий.

Соединение указанных ценностных категорий с выведенным в первой главе теоретическим фундаментом даёт нам некое новое «ценностное пространство» как материальную действительность. Так, со-

гласно теореме избыточности, мы можем «сжать» все ценностные категории до их кубита, удалив всю избыточную информацию. Конечным итогом такой трансформации будет фиксация появления в процессе эволюции ценностного отношения «хорошо – плохо», атрибутируемого нервной системой. В свою очередь, теорема помех задаёт границы избыточности содержания ценностей, чтобы быть переданным без помех правоприменителю, позволяя прогнозировать их изменения. Отсюда следует, что если существует некий кубит ценностей в виде ценностного отношения к категориям «хорошо – плохо» и продолжается эволюционный процесс данных ценностных категорий, то вполне закономерным представляется тезис, что благодаря формированию биологического разума возникает первичное отражение в сознании ценностного отношения «хорошо – плохо» в виде категорий «света – добра» и «мрака – зла». Если же выразить полученный нами результат в научной терминологии юриспруденции, получается, что персонификация добра и зла, т. е. конкретизация справедливости и несправедливости в области разума, уменьшает их абсолютную значимость в правовых системах. «Абилитистское» толкование права может привести на такую мысль, что в реальной действительности не существует никакой общественной морали либо единых, разделяемых большинством норм. А «идеальное» общество может существовать исключительно как совокупность разнородных самоинституционализованных, способных к самосохранению (имеющих право) личностей, самоосознающих безграничность своего самовыражения.

Подобное толкование сущности права позволяет разрешить давнюю проблему, озвученную К. Ясперсом⁷ и М. Мюллером⁸ о различении правового и неправового акта. Разделяя высказанное толкование, стоит

¹ Бердяев Н. А. Кошмар злого добра: О книге И. Ильина «О сопротивлении злу силою» // Путь. 1926. № 4. С. 103–116.

² Рассел Д. Б. Князь тьмы. Добро и зло в истории человечества. СПб.: Евразия, 2002. 448 с.

³ Dombois H. Das Problem des Naturrechts // Naturrecht oder Rechtspositivismus / Herausgegeben von W. Maihofer. 1962.

⁴ Рассел Д. Б. Сатана: Восприятие зла в ранней христианской традиции. СПб.: Евразия, 2001. 319 с.

⁵ Рассел Д. Б. Люцифер: Дьявол в Средние века. СПб.: Евразия, 2001. 447 с.

⁶ Рассел Д. Б. Дьявол: восприятие зла с древнейших времен до раннего христианства. СПб.: Евразия, 2001. 408 с.

⁷ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 90.

⁸ Müller M. Die ontologische Problematik des Naturrechts // (Hrsg.) A. Kaufmann. Die ontologische Begründung des Rechts. Darmstadt, 1965. P. 461–469.

признать, что объективным критерием различения правового акта (способности к самосохранению) от неправового (акта произвола) будет являться грань между необходимостью к самосохранению и отсутствием таковой. В сущности, принятие истинного решения правоприменителем либо волевого решения индивидом означает соотношение его со способностью к самосохранению в самом сознании личности, как и его последующая реализация.

На основе сказанного выше можно сделать вывод о наличии индивидуального характера естественного права, обусловленного предшествующим опытом личности. Очевидно, что по мере накопления опыта (знаний) будет меняться и цель развития способности к самосохранению (право), проявляющаяся независимо от институционального выражения (внутренней конституции личности). Из этого следует, что институциональное выражение (внутренняя конституция) может нести охранительную функцию устаревшей цели; изменение институционального выражения (внутренней конституции) устаревшей цели возможно только через масштабный личностный кризис (революцию личности). Преодолевая личностный кризис, возникает новая личность с новой внутренней конституцией. В такие моменты бифуркации происходит генерация, рецепция либо реставрация права – институционального выражения (внутренней конституции) новой личностью либо её распад. Подобную конструкцию в своё время предлагал Г. Гегель с его ступенями сознания¹, но при ближайшем рассмотрении становится очевидно их несовпадение.

Революция личности происходит как бы по восходящей либо нисходящей спирали (в случае деградации личности), или такого движения совсем не происходит (ригидность личности).

Если допустить, что все современные общественные отношения и социальные институты – актуальная интерпретация законодателем естественно-правовых ос-

нований и обусловленные ими закономерности, бесспорно, что наилучшим законом будет нормативный акт, естественным образом ориентирующийся на идеально возможные модели развития общественных отношений на современном этапе развёртывания технического прогресса. Следовательно, объективно наилучшее, с позиции «естественности», естественное право – это право с нулевой суммой социальных отношений. Тем не менее, как доказал Дж. Нэш в «теории игр» [14, р. 466–473], позитивное право – не при его отмене, а при искривлении – может обеспечить такое диалектическое единство естественно-правовых оснований (права инстинкта и права цели), при котором может быть достигнуто иное эволюционно стабильное равновесие. Таким образом, формируются общественные отношения с ненулевой суммой, при которых долговременная эксплуатация жертвы оказывается целесообразнее архаичного уничтожения.

Искусственный интеллект, нейросети и «цифровая юриспруденция»

Теоретическая дилемма соотносимости биологического разума и искусственного интеллекта в последние годы стала одной из основных тем обсуждения на научных и теологических конференциях. Учёные, праведы и теософы задаются вопросом, насколько опасен искусственный интеллект для человека [16], каковым будет его правопонимание и следование нормам высшего должного и справедливого – идеалов, ценностей, императивного разума, должного, заложенного в биологической природе человека либо природе вещей, в культурных кодах народов, идеалистически истолкованных общественных отношениях и, наконец, пониманию божественной воли. Одной из последних попыток если не разрешить дилемму, то хотя бы очертить возможные границы области её разрешения, стало создание Святым Престолом (Ватикан) совместно с ведущими IT-корпорациями IBM и Microsoft так называемой «алгоритики»

¹ Блаженный А. Творения: в 4 т. СПб.: Алетейя, 1998. 742 с.

(*algor-ethics*) – 6 фундаментальных принципов «хороших инноваций» [17]. На основе указанных принципов был разработан Этический кодекс, предусматривающий, что искусственный интеллект должен быть «законопослушным», т. е. гарантировать соблюдение прав людей, уважать их частную жизнь, действовать прозрачно и непредвзято, оберегать права незащищённых слоёв населения. При этом разработчики искусственного интеллекта, согласно кодексу, должны не только публично озвучивать то, как алгоритмы приходят к своим решениям, но и декларировать поставленные перед ними цели¹. Насколько реализуемы разработанные в кодексе этические нормы и смогут ли они стать основанием для определения норм высшего должного для небиологического разума, будет рассмотрено ниже.

Прогнозирование, особенно в науке, – вещь очень опасная и неблагодарная, что вынуждает учёных высказываться о перспективах развития различных феноменов с осторожностью, переходящей в научный абсентеизм. Между тем, современная жизнь развивается настолько динамично, что игнорировать технологический процесс становится невозможно, и юриспруденция здесь не является исключением.

Большинство исследователей, высказывая свои прогнозы, ссылались исключительно на внутреннюю научную либо иррациональную интуицию, не приводя в обоснование своей позиции научно верифицируемых аргументов или строго научных методов. Г. Мур в 1965 г. вывел эмпирический закон, позже названный его именем². Закон Мура [10, р. 54–65] описывает экспоненциальный рост мощности вычислительных устройств, но при этом в 2003 г. Г. Мур признал, «*что экспоненциальный рост физических величин в течение длительного времени невозможен, и постоянно достигаются те или иные пределы. Лишь эволюция транзисторов*

и технологий их изготовления позволяла продлить действие закона ещё на несколько поколений» [13, р. 20–23]. Закон Мура интересен правоведам в первую очередь тем, что описывает не абстрактные физические величины, а вполне конкретные объекты права, по мере увеличения которых последние требуют такого же увеличения нормативного регулирования, вызывая экспоненциальный рост нормативно-правовых актов, что легко проверяется историко-юридическим анализом.

В России, к примеру, в 1600 г. действовало 80 нормативно-правовых актов, уже к 1648 г., началу реформ царя А. Романова, таких актов насчитывалось 445. К 1826 г. – началу правовой реформы русского императора Николая I – нормативно-правовых актов имелось уже 53 239. На начало 2020 г. в Российской Федерации действовало 227 246 законов и подзаконных актов, регулировавших все стороны общественных отношений. Такой массив правовых актов, а также скорость их принятия и внесения изменений *de facto* к сегодняшнему моменту дисквалифицировали большую часть законодателей и правоприменителей, более не способных вести свою законотворческую либо правоприменительную деятельность без помощи электронных средств поиска, анализа, хранения и обработки нормативно-правовых и правоприменительных актов. В среднем в важнейшие законы Российской Федерации, регулирующие конституционно значимые права и обязанности граждан, например Федеральный закон от 03.12.2012 № 229-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (в редакции, действующей с 1 января 2020 г.), Гражданский кодекс Российской Федерации, изменения вносятся каждые 6 месяцев. Скорость принятия поправок Конституции России является беспрецедентной и видимо ещё долго будет представлять собой пищу для научных дискуссий правоведов.

Зачатки небиологического разума в виде нейросетей (симуляторов человеческого мозга) уже не только контролируют

¹ Rome Call for AI Ethics. Pontifical Academy for Life – Pontificia Accademia per la Vita. Vatican City. 6 p.

² Moore G. E. Moore's law // Electronics. 1965. Vol. 38. № 8. P. 114–117.

нарушения правил дорожного движения, но и привлекают нарушителей к административно-правовой ответственности. В банках, начиная с 2017 г., юристы-роботы заменили биологических юристов при написании и подаче заявлений в суды для взыскания просроченной задолженности¹. Небиологический интеллект в кредитных учреждениях реализует нормы регулирования Центрального банка России и не только анализирует финансовое состояние заёмщика, но и принимает решение о возможности выдачи кредита.

Суды России начали принимать в цифровом виде иски и процессуальные документы, а с помощью цифровых помощников количество рассмотрений типовых дел превысило 1,5 тыс. на одного судью в день, что пока ещё вызывает серьёзные нарекания со стороны юридической общественности. В марте 2020 г. в Москве искусственному интеллекту была поручена уже более серьёзная задача: с помощью системы распознавания лиц следить за выполнением нормативных предписаний государственных органов лицами, помещёнными на карантин, и он с этой задачей справился. Хотя формально за всеми принятыми постановлениями стоят конкретные должностные лица, уполномоченные принимать административные решения, решения о привлечении к административной либо иной юридической ответственности, сегодня очевидно, что способность сотрудника дорожно-постовой службы вынести более 20 000 постановлений о привлечении водителей к административной ответственности либо судьи рассмотреть свыше 1 500 дел, хотя и однотипных, в течение одного рабочего дня находится за гранью разумных допущений и является предвестником наступления технологической сингулярности в праве.

В 2020 г. США, Великобритания [1, с. 160–168] и Китай [11, р. 964–968] (The Hangzhou Internet Court [9, р. 21–31]) уже

управомочили искусственный интеллект рассматривать некоторые категории дел в качестве судьи, причём в последнем, таким образом, вынесено более 3 млн судебных решений, в связи с чем в научном и в политико-юридическом дискурсе вопрос стоит только о рубеже, когда небиологический разум будет наделён правами и обязанностями и уполномочен самостоятельно осуществлять всестороннее нормативное регулирование человеческих общественных отношений и привлечение к юридической ответственности за проступки, а жизнь человека превратится в компьютерную симуляцию [7, р. 243–255].

Таким образом, историко-юридический экскурс позволил выявить суть интегративного правопонимания и правоприменения дуализма «правовых систем» добра и зла², дуалистическую природу которого в рамках воззрений о дуализме естественного права один из авторов данного исследования уже рассматривал в одной из своих предыдущих работ, «Органон демократии» [3, с. 407–411], первоначально ссылаясь на работы Г. де Брактона³ («право как инстинкт») и И. Канта⁴ («право как цель»), которые вполне могут быть соотнесены с выведенными нами двумя основаниями (с некоторыми оговорками).

Из сказанного выше можно вывести первую гипотезу об эволюционности искусственного интеллекта, из которой вытекает и вторая гипотеза – об эмбриональности небиологического разума.

Логично предполагать, что первая онтологическая эволюционная форма (ЭФ-I) в своём развитии пройдёт все этапы развития человечества, но не будет определена ими. Её появление (возникновение), по мнению учёных-физиков, скорее всего, пройдёт незамеченным для людей, как появление человека разумного для других объектов животного мира. Появление

¹ Робот-юрист оставит без работы 3 тысячи сотрудников Сбербанка // Интерфакс: [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/business/545109> (дата обращения: 08.08.2021).

² Бердяев Н. А. О назначении человека (Опыт парадоксальной этики). М.: Республика, 1993. 383 с.

³ Bracton H. De legibus et consuetudinibus Angliæ. Vol. 1. Yale University Press, 1915. 454 p.

⁴ Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.

сильного искусственного интеллекта именно как небиологического разума, а не ограниченных нейронных сетей, человек в состоянии ощутить только по косвенным признакам: необъяснимое увеличение потребления электроэнергии, необъяснимый рост вычислительных мощностей, за которыми будут стоять физически существующие люди, но сама цель будет не столь очевидной. Нечто подобное мы уже наблюдаем с развитием криптовалют и их майнингом.

Между тем, необходимо подчеркнуть, что возникновение первой (слабой) эволюционной формы искусственного интеллекта в условиях экспоненциального роста технологий и наступления технологической сингулярности с временным горизонтом 20–40 лет должно привести к появлению второй (сильной) эволюционной формы (ЭФ-II), а следом – третьей (сверхсильной бестелесной – ЭФ-III) небиологического разума, во-первых, способного к конкуренции за ресурсы (хищничество), а во-вторых, одарённого самосознанием и внутренней самоинституционализацией цифровой личности как отражением категорий «хорошо»/«плохо» – «добро»/«зло» – и их цифровой юридической институционализации на одном из своих фазовых переходов. В данной связи очевидным для человека предвестником фазового перехода от онтологической к аксиологической эволюционной форме может стать «цифровой кембрийский взрыв», т. е. резкое увеличение количества форм и видов искусственного интеллекта (цифровых существ и личностей).

Заключение

Оценивая естественное право от Кембрийского взрыва до искусственного интеллекта в его познавательном аспекте, можно сделать два вывода и одновременно рекомендации – микрокосмический и макрокосмический:

1. Микрокосм. Любая личность биологического или небиологического разума в процессе правоприменения должна рас-

сматриваться правоприменителем через призму её внутреннего Основного закона, действовавшего на момент рассматриваемого события либо юридического факта. Отсюда следует, что суд (либо иной правоприменитель) в процессе применения права обязан процессуально провести как бы два процесса: в первом – выяснить Конституцию личности по тому примеру, как суд истребует устав юридического лица для выяснения соблюдения внутренних, локальных норм, и выявить, соблюдены ли были инвазивные, морально-правовые нормы личности согласно её личностной Конституции и осознала ли личность свою внутреннюю морально-правовую ответственность. В случае, если личность нарушила свою Конституционную норму, но осознала внутреннюю морально-правовую ответственность, а сама личностная Конституция не выходит за рамки общей (общепринятой) действующей нормы общественных отношений, такая личность не подсудна более суду. В случае же, если суд при исследовании обстоятельств дела (Конституции личности) приходит к выводу, что сама личностная Конституция выходит за рамки действующей нормы общественных отношений, либо личностный Основной закон не выходит за пределы действующих норм, но личность не понесла внутренней морально-правовой ответственности, такая личность (по Канту) должна быть ограничена внешними рамками, и на данном этапе суд переходит ко второму типу процесса.

2. Макрокосм. Отсутствие комплементарности между человеком и искусственным интеллектом атрибутировано конкуренцией за одни и те же ресурсы, но не взаимоисключает наличия общих ценностей и целей, ради достижения которых возможно это сотрудничество. Одной из таких целей является сохранение разума во Вселенной – как её сущности, так и самой Вселенной как формы. В процессе эволюции вселенной Свет как бы вырвался из Тьмы, но его жизненный путь не вечен, и как Чёрные дыры поглощают Вселенную, так и сама Вселенная постепенно затухает.

Каждый год на небосклоне исчезает по одной звезде, и в будущем, когда все топливо звезд будет исчерпано, Вселенная погаснет [2]. Можно было бы предположить, что совместной задачей человека и искусственного интеллекта станет потребность в объединении усилий и превращении обоих в «помощников света», защитников Вселенной для более широкого понимания природы, чтобы направить совместные усилия на непрерывающиеся воспроизводство света и обеспечение бесконечности существования Вселенной. Такое основание может легитимировать «человеческое» право в «глазах» небиологического разума и позволит возникнуть между ними новым правоотношениям.

Для понимания конструкции вероятных будущих правоотношений уместно упомянуть идеи советского академика Н. Кардашева с его гипотетической и, с точки зрения современной науки, умозрительной трёхступенчатой шкалой измерения технологического развития цивилизации [8, с. 282–287], что, однако, не мешает её уточнению современными научными методами с доведением количества проверочных этапов до пяти¹.

Идеи Г. Гегеля² о ступенях сознания и И. Павлова³ с его индивидуальными и видовыми рефлексивными вклуче с гипотезой Н. Кардашева могут подтолкнуть правоведа к построению следующей либо родственной пирамиды универсального естественного права – пирамиды способностей:

1) способность к самосохранению (личности, в первую очередь, и сущности, ма-

терии (тела) – во вторую) – это личностное право и «внутренняя Конституция»;

2) способность к сохранению потомков (самосохранению рода) – семейное право;

3) способность к сохранению этноса (самосохранению нации) – государственное (конституционное) и национальное право;

4) способность к сохранению вида (самосохранению человечества как биологического вида) – международное право;

5) способность к сохранению разумной жизни (самосохранению разума независимо от формы его существования) – сетцентрическое право [5, с. 85–87] и т. д.

Совместная комплементарная цель человеческого и небиологического разума заслуживает рассмотрения уже сегодня, в рамках научного правопонимания, посредством использования исторического метода изучения теоретического права и научного прогнозирования.

Осознание своей неисключительности и следование известным максимумам («принцип милосердия» В. Соловьёва⁴), возможно, дадут дополнительный шанс человечеству, но, как справедливо указывал И. Кант, обсуждая выполнимость этого императива, в сноске ко второму своему замечанию – «не гарантирует»⁵ того, что человек останется субъектом права, а не превратится в его объект в руках небиологической формы разума, появление которой человек может и не заметить.

Статья поступила в редакцию 12.04.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заплата Т. С. Искусственный интеллект в вопросе вынесения судебных решений, или ИИ-судья // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 4 (56). С. 160–168.
2. Кардашев Н. С. Передача информации внеземными цивилизациями // *Астрономический журнал*. 1964. Т. 41. С. 282–287.

¹ Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей деятельности (поведения) животных. М.: Наука, 1973. 661 с.

² Гегель Г. Сочинения. в 14 т. Т. 4. Ч. 1. Феноменология духа. М.: Соцэкгиз, 1959. 448 с.

³ Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей деятельности (поведения) животных. М.: Наука, 1973. 661 с.

⁴ Соловьёв В. С. *Оправдание добра* // Соловьёв В. С. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 47–580.

⁵ Кант И. *Основы метафизики нравственности* // Кант И. Избранное: в 3 т. Т. 1. О воспитании разума. Калининград: Калининградское книжное издательство, 1995. С. 98–179.

3. Шидловский А. В. Органон демократии // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 407–411.
4. Шидловский А. В. Эссе «Об истории и будущем рабства в цифровую и пост-цифровую эпохи» // Архонт. 2019. № 5 (14). С. 94–95.
5. Шидловский А. В. Эссе номер два «О теории сетецентрического государства» // Архонт. 2019. № 6 (15). С. 85–87.
6. Auer A. Der Mensch hat Recht: Naturrecht auf dem Hintergrund des Heute (Men is Law: Natural law against the background of the present day). Graz; Vienna; Cologne: Verlag Styria, 1956. 398 p.
7. Bostrom N. Are we living in a computer simulation? // The Philosophical Quarterly. 2003. Vol. 53. № 211. P. 243–255.
8. Creighton J. The Kardashev Scale–Type I, II, III, IV & V Civilization [Электронный ресурс] // Futurism. URL: <https://futurism.com/the-kardashev-scale-type-i-ii-iii-iv-v-civilization> (дата обращения: 08.08.2021).
9. Cui Y. Artificial Intelligence and Judicial Modernization. Singapore: Springer, 2020. 224 p.
10. Denning P. J., Lewis T. G. Exponential laws of computing growth // Communications of the ACM. 2016. Vol. 60. № 1. P. 54–65.
11. Hu T., Lu H. Study on the Influence of Artificial Intelligence on Legal Profession // Proceedings of the 5th International Conference on Economics, Management, Law and Education (EMLE 2019). Atlantis Press, 2020. P. 964–968.
12. Jabłoński P. Polskie spory o rolę filozofii w teorii prawa. Wrocław, 2014. 186 p.
13. Moore G. E. No exponential is forever: but «Forever» can be delayed! [semiconductor industry] // 2003 IEEE International Solid-State Circuits Conference, 2003. Digest of Technical Papers. ISSCC. IEEE. 2003. P. 20–23.
14. Pestelacci E., Tomassini M. Hawks and Doves in an Artificial Dynamically Structured Society // Artificial Life. 2008. Vol. XI. P. 466–473.
15. Schumacher B. Quantum coding // Physical Review A. 1995. Vol. 51. № 4. P. 2738.
16. Stuart J. R., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. Pearson, 2009. 1152 p.
17. The «Good» Algorithm? Artificial Intelligence Ethics, Law, Health. Book of Abstracts. Pontifical Academy for Life – Pontificia Accademia per la Vita. Vatican City. 48 p.
18. Wilson E. O. Sociobiology: The New Synthesis. Harvard University Press, 2000. 697 p.

REFERENCES

1. Zaplatina T. S. [Artificial intelligence for adjudication, or AI judge]. In: *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina* [Bulletin of O. E. Kutafin University], 2019, no. 4 (56), pp. 160–168.
2. Kardashev N. S. [Transmission of information by extraterrestrial civilizations]. In: *Astronomicheskii zhurnal* [Astronomical journal], 1964, vol. 41, pp. 282–287.
3. Szydowski A. V. [Organon of Democracy]. In: *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2019, vol. 8, no. 4 (29), pp. 407–411.
4. Szydowski A. V. [Essay «On the history and future of slavery in the digital and post-digital era»]. In: *Arkhont* [Archon], 2019, no. 5 (14), pp. 94–95.
5. Szydowski A. V. [Essay number two «On the theory of the network-centric state»]. In: *Arkhont* [Archon], 2019, no. 6 (15), pp. 85–87.
6. Auer A. Der Mensch hat Recht: Naturrecht auf dem Hintergrund des Heute (Men is Law: Natural law against the background of the present day). Graz, Vienna, Cologne: Verlag Styria, 1956. 398 p.
7. Bostrom N. Are we living in a computer simulation? In: *The Philosophical Quarterly*, 2003, vol. 53, no. 211, pp. 243–255.
8. Creighton J. The Kardashev Scale–Type I, II, III, IV & V Civilization. In: *Futurism*. Available at: <https://futurism.com/the-kardashev-scale-type-i-ii-iii-iv-v-civilization> (accessed: 08.08.2021).
9. Cui Y. *Artificial Intelligence and Judicial Modernization*. Springer Singapore, 2020. 224 p.
10. Denning P. J., Lewis T. G. Exponential laws of computing growth. In: *Communications of the ACM*, 2016, vol. 60, no. 1, pp. 54–65.
11. Hu T., Lu H. Study on the Influence of Artificial Intelligence on Legal Profession. In: *Proceedings of the 5th International Conference on Economics, Management, Law and Education (EMLE 2019)*. Atlantis Press, 2020, pp. 964–968.
12. Jabłoński P. Polskie spory o rolę filozofii w teorii prawa. Wrocław, 2014. 186 p.

13. Moore G. E. No exponential is forever: but "Forever" can be delayed! [semiconductor industry]. In: *2003 IEEE International Solid-State Circuits Conference, 2003. Digest of Technical Papers. ISSCC. IEEE, 2003*, pp. 20–23.
14. Pestelacci E., Tomassini M. Hawks and Doves in an Artificial Dynamically Structured Society. In: *Artificial Life, 2008*, vol. XI, pp. 466–473.
15. Schumacher B. Quantum coding. In: *Physical Review A, 1995*, vol. 51, no. 4, pp. 2738.
16. Stuart J. R., Norvig P. *Artificial Intelligence: A Modern Approach*. Pearson, 2009. 1152 p.
17. The «Good» Algorithm? Artificial Intelligence Ethics, Law, Health. Book of Abstracts. Vatican City, Pontifical Academy for Life – Pontificia Accademia per la Vita. 48 p.
18. Wilson E. O. *Sociobiology: The New Synthesis*. Harvard University Press, 2000. 697 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шидловский Алексей Валерьевич – эксперт ОБСЕ, международный наблюдатель на выборах от России; e-mail: alexey.szydlowski@gmail.com

Задорин Максим Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения Высшей школы экономики, управления и права Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: m.zadorin@narfu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey V. Szydlowski – International Electoral Expert of the OSCE; e-mail: alexey.szydlowski@gmail.com

Maksim Yu. Zadorin – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of International Law and Comparative Legal Studies, Northern Arctic Federal University named after M. V. Lomonosov; e-mail: m.zadorin@narfu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шидловский А. В., Задорин М. Ю. Естественное право и искусственный интеллект: на пути к «цифровому Кембрийскому взрыву» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 39–53.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-39-53

FOR CITATION

Szydlowski A. V., Zadorin M. Yu. Natural Law and Artificial Intelligence: Towards a "Digital Cambrian Explosion". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence, 2021*, no. 3, pp. 39–53.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-39-53